

Шэнь Чжиюй судорожно сглотнул. С трудом подняв голову, он снизу вверх посмотрел на Юань Чэ. По его вискам медленно катились мелкие капли пота.

В глазах императора полыхала ярость, которую тот даже не пытался скрыть. От этого взгляда Шэнь Чжиюй стало не по себе. И дело было вовсе не в страхе, что Юань Чэ причинит ему вреду. В его вопросе крылась не просто жажда выведать правду — в нём звучал горький упрёк, глубокая тревога и даже... разочарование.

«Решил свести счёты с жизнью вместе с князем Ли?»

Юань Чэ злило само это словосочетание — «вместе погибнуть».

— Ты... — только и успел вымолвить Шэнь Чжиюй, как вдруг сверху донёсся скрежет когтей, разгребающих обломки.

Это были волки.

Юань Чэ, чью череду вопросов бесцеремонно прервали, так и не дав выслушать ответы, сердито зыркнул на онемевшего канцлера.

— Позже с тобой разберусь, — быстро шепнул он ему на ухо, после чего выхватил из рук Шэнь Чжиюя свисток и резко выдохнул в него.

Уянь стоял у руин, подперев бок рукой. Глядя на то, во что превратилась некогда величественная резиденция князя Ли, он чувствовал лишь глухую тоску. Раскапывать эти завалы можно было до бесконечности — за это время припасённые пампушки точно успеют превратиться в ледышки.

Но тут несколько волков резко вскинули головы, наострили уши и, не раздумывая, помчались в правую сторону.

Уянь замер на миг, а затем радостно завопил.

— Сюда, здесь что-то есть! — крикнул он спасательному отряду и бросился вслед за хищниками.

Когда их наконец откопали, спасатели застыли в немом изумлении. Перед ними предстала весьма странная и забавная картина: Его Величество собственнически, словно волк волчонка, прижимал к себе господина канцлера.

Уянь только и смог выдать:

— Ого.

Опираясь на обгорелую балку, Юань Чэ выбрался наружу. На нём не было ни царапины; он небрежно отряхнул пыль с одежды и, жестом приказав подчинённым не вмешиваться, бережно вытащил Шэнь Чжиюя из ямы.

Уянь, предусмотрительно державшийся в сторонке, лишь понимающе покачал головой:

— Так я и знал.

Выглядел Шэнь Чжиюй куда плачевнее императора. Даже если не считать вывихнутое запястье, мелких порезов и ушибов на его теле было без счёта. Белоснежное одеяние с изящными узорами покрылось гарью и грязью, и канцлер мог стоять на ногах лишь потому, что Юань Чэ крепко поддерживал его за плечи.

Солдаты подогнали повозку, чтобы доставить спасённых в безопасное место. Шэнь Чжиюй уже ступил на подножку, но вдруг обернулся к императору.

— Ваше Величество, сейчас самое время успокоить жителей царства Ли. Нужно привлечь их на свою сторону.

— Без меня найдутся те, кто о них позаботится, — Юань Чэ нахмурился.

Среди пыли и руин было трудно разглядеть раны канцлера, а верить его словам император больше не собирался — нужно было всё проверить самому.

— Другие чиновники — это другие, а вы — государь, — упрямо возразил Шэнь Чжиюй.

Одно дело — забота безликих военачальников, и совсем другое — личное присутствие монарха. Юань Чэ прекрасно понимал разницу. Он вздохнул, не отрывая взгляда от бледного лица канцлера.

Тот стоял на месте с таким видом, будто не сделает больше ни шагу, пока император не согласится.

Пришлось уступить.

— Хорошо.

Подозвав Уяня, Юань Чэ приказал ему доставить Шэнь Чжиюя в арендованную усадьбу, а также немедленно разыскать господина Чжото и Сяоси, чтобы те позаботились о раненом.

Напоследок, вспомнив о чём-то, он тихо шепнул Уяню пару напутствий. Лишь после этого император вскочил на спину волка и в сопровождении отряда направился к центру столицы.

Уянь озадаченно почесал затылок, а мгновение спустя спохватился — он ведь так и не успел раздать припасённые пампушки!

Жители царства Ли только-только начали привыкать к воинам Гуйжун. Некоторые даже осмелились усесться неподалёку с пампушками в руках, жуя и с любопытством наблюдая за чужеземцами, как вдруг по толпе пронёсся шёпот: едет император варваров.

Маленький мальчик от страха даже перестал жевать. Так и замер с набитым ртом, глядя, как огромный чёрный волк несёт на своей спине грозного правителя.

Юань Чэ остановил волка прямо перед ним.

— Глотай.

Малыш с шумом втянул воздух, сглотнул и тут же поперхнулся.

Юань Чэ лишь устало вздохнул.

— Дайте ему воды.

Толпа послушно расступилась. Юань Чэ поднялся на возвышение и сел на стул, который поспешно притащили воины Гуйжун. После бессонных суток, проведённых в диких горах и на развалинах дворца, он всё ещё был облачён в тяжёлые доспехи. Прямо на виду у всех он принялся расстёгивать ремни нагрудника, небрежно бросив столпившимся людям:

— Продолжайте есть.

Большинство горожан уже насытились, но ослушаться приказа не посмели — и принялись спешно заталкивать в себя остатки пресного теста.

Сняв латы, Юань Чэ окинул их взглядом и спросил:

— Ну как? Вкусно?

Среди толпы пробежал невнятный гул. Люди недоумённо переглянулись, после чего дружно закивали головами.

Прижав ладонь ко лбу, Юань Чэ понял, что задал глупый вопрос. Он оглядел собравшихся и

указал на мужчину средних лет, одетого как скромный учитель. Воины Гуйжун тут же вытащили бедолагу из толпы.

Тот завопил так, словно его вели на плаху, и, растеряв всякое мужество, намертво вцепился в росшее рядом дерево.

— Ва-Ва-Ваше Величество! Превосходный вкус! Ничего лучше ваш покорный слуга в жизни не пробовал! Пощадите, не убивайте меня! — затрясся он всем телом.

Солдаты без лишних разговоров оторвали его от ствола и бесцеремонно швырнули к ногам Юань Чэ.

Юань Чэ слегка раздвинул свои сильные ноги и смерил его ледяным взглядом.

— Если продолжишь заикаться и молоть чепуху, я действительно прикажу отрубить тебе голову.

Учитель мгновенно зажал рот ладонями и замер.

Вся толпа затаила дыхание. Оперевшись локтями о колени, Юань Чэ подался вперёд и тихо повторил свой вопрос:

— Каковы на вкус эти пампушки?

Под тяжёлым, хищным взглядом императора несчастный мелко задрожал. Но вдруг его осенило: Его Величество спрашивает вовсе не о вкусе пресного теста. В этом простом вопросе крылся иной смысл.

Пампушки из белой муки ведь совершенно безвкусны. Да, они спасают от голода, но деликатесом их не назовёшь.

— Пампушки... — робко начал он. — Пусть они и уступают изысканным яствам с княжеского стола, но их легко брать с собой. Они умирят голод и... и спасают от верной смерти.

Юань Чэ усмехнулся:

— А жизнь — это важно?

— Несомненно, Ваше Величество! Чрезвычайно важно! — зачастил учитель.

— Так что же ценнее: жизнь или дорогие разносолы?

— Жизнь! Конечно же, жизнь!

— Вот именно! — Юань Чэ поднялся на ноги и жестом велел увести мужчину. Сделав шаг к застывшей толпе, он заложил руки за спину. — Кто-нибудь желает оспорить его слова?

Возразить никто не осмелился. Юань Чэ прекрасно понимал: страх рождает лишь покорность, но империи нужны верные подданные, признавшие власть государя по собственной воле. Чтобы добиться этого, следовало уметь чередовать суровое наказание с милостью.

Он приказал бросить на землю окровавленную голову князя Ли Чжана, которую солдаты откопали среди руин, и громко объявил:

— Князь Ли мёртв! Но я — ваш император! Если сегодня я примчался из диких лесов, чтобы изгнать из ваших земель армию Ци, то я защищу вас и завтра, и послезавтра, и во все грядущие дни. И я клянусь, что каждый из вас больше никогда не узнает голода!

Теперь скрытый смысл его недавней беседы стал очевиден для каждого. Безвкусный белый хлеб — это сама их жизнь. Если жители царства Ли хотят уцелеть в разгорающемся пожаре войны, у них есть лишь один путь — признать власть Юань Чэ. Только он и его армия Гуйжун могли гарантировать, что люди не погибнут от истощения и не будут брошены своими господами при первой же опасности.

Когда вспыхивает пламя войны, знать и чиновники всегда находят тёплое пристанище. Вся тяжесть бедствий ложится на плечи простых людей. Им некуда бежать — их дома, поля и могилы предков привязывают их к этой земле. Стоит им уйти, и они превратятся в бесправных бродяг, обречённых на голодную смерть в чужих краях.

В мирные времена плодами процветания наслаждаются вельможи, а под удары вражеских мечей подставляют себя бедняки. Разве это справедливо?

Кому хочется быть беззащитной жертвой на чужой плахе?

Кто откажется от права на жизнь?

— Ваше Величество! Вы действительно сдержите это обещание? — выкрикнул кто-то из толпы.

— Битва за царство Ли неизбежно всколыхнёт мятежных князей-вассалов, — Юань Чэ сжал пальцы в кулак. — Но вам нечего бояться. Пока я жив, копыта вражеских коней больше не топчут ваши поля. Перед вами раскинется единая, великая и мирная империя Чу, где ни один князь-вассал больше не посмеет угнетать простой народ!

Его сильный голос разносился над площадью, отдаваясь в сердцах людей глубоким эхом.

Эпоха великих войн уже началась. Назад дороги нет, уклониться от судьбы не удастся никому. На пути к трону прольются реки крови, но в живых останется лишь один победитель.

— Клянёмся в верности Вашему Величеству!

— Да здравствует император! Десять тысяч лет Его Величеству!

Люди один за другим опускались на колени, склоняя головы в благоговейном поклоне. Юань Чэ стоял на возвышении, глядя на колышущееся море покорных подданных.

Царство Ли было лишь первым шагом.

Вернувшись с докладом, Уянь застал именно эту картину.

Изумлённый столь разительной переменой в настроениях местных жителей, он вытащил из кармана остывшую пампушку и тихо пробормотал под нос:

— Так вот к чему всё это было...

Вести разлетались со скоростью ветра. К вечеру о случившемся судачили на каждом углу, и до Шэнь Чжиюя, разумеется, эти слухи тоже дошли.

Он облегчённо вздохнул и мягко улыбнулся. Его старания не прошли даром.

Господин Чжото вправил канцлеру вывихнутую руку, обработал глубокие порезы и молча отставил лекарственный ларец в сторону.

Шэнь Чжиюй сразу понял, что таков был приказ императора. Юань Чэ вознамерился «разобраться» с ним лично. Когда лекарь удалился, канцлер устало опустился на постель и прикрыл глаза.

В памяти тут же всплыли картины их недавнего спасения из-под завалов.

В груди вновь шевельнулось смутное беспокойство.

«Ну и пусть. Какое ему дело? С чего вдруг Юань Чэ так разозлился? И ведь это происходит уже не в первый раз...»

Шэнь Чжияй вздохнул. Навалилась непреодолимая усталость. Всё это казалось ему нелепым и даже немного пугающим.

Он, разумеется, давно подметил, что Юань Чэ относится к нему совсем не так, как к остальным подчинённым. Шэнь Чжияй даже намеренно испытывал его чувства. Но личные привязанности не должны были мешать государственным делам. Немного нехитрых нежностей, лёгкий флирт для разбавления серых будней — это вполне допустимо, к тому же молодой император был на редкость хорош собой. Но заходить дальше не следовало. Любое глубокое чувство превратится для них обоих в непосильное бремя.

Юань Чэ — не просто мужчина. Он — повелитель Поднебесной, взошедший на самую вершину власти, где правят лишь холодный расчёт и безграничное честолюбие. У истинного государя не должно быть уязвимостей, привязанностей или слабостей. Он обязан безжалостно уничтожать каждого, кто встанет на его пути к господству над миром.

Даже если этим препятствием окажется сам Шэнь Чжияй.

Однако события упрямо выходили из-под контроля. Невидимая черта между ними истончалась с каждым днём.

Что ему делать? Как остановить это безумие?

Глубокой ночью за окном зашелестел унылый дождь, перемежающийся с ледяной крупой. Оконная рама была прикрыта неплотно, и сквозь узкую щёлочку в спальню проникал промозглый сквозняк. Почувствовав озноб, Шэнь Чжияй поплотнее зарылся в одеяло и беспокойно заворочался, засыпая лишь наполовину.

Вдруг послышался тихий скрип открываемой двери. Легкие шаги приблизились к постели, но гость не стал будить его сразу — сперва он бесшумно подошёл к окну и плотно задвинул створку.

Когда Шэнь Чжияй окончательно проснулся и приоткрыл глаза, Юань Чэ уже сидел на краю его постели. Император грел ладони над жаровней; от его одежды веяло мягким теплом. Он явно провёл немало времени в прихожей, чтобы не приносить с собой ночной холод.

— Проснулся? — не поворачивая головы, тихо спросил Юань Чэ.

Он ловил каждое движение канцлера и мог безошибочно судить о его состоянии по одному лишь изменившемуся дыханию.

— Раз так, давай продолжим наш прерванный разговор. Для начала скинь верхнее одеяние.

Шэнь Чжияй послушно перевернулся на живот и перекинул длинные волосы на грудь. Тонкая

ткань рубахи сползла до поясницы, обнажив бледную, гладкую спину, на которой багровела крупная, уродливая гематома. Тщательно вымыв руки, Юань Чэ достал из лекарственного ларца баночку с мазью. Разогрев снадобье в ладонях, он коснулся повреждённого места, пытаясь мягкими круговыми движениями разогнать запекшуюся кровь.

Стоило его тёплым пальцам коснуться кожи, как острые лопатки канцлера невольно вздрогнули.

— Ты ведь никому не открыл свои истинные замыслы насчёт поездки в царство Ли, — Юань Чэ медленно втирал мазь в ушибленное место, попутно осматривая другие царапины на его плечах. — Ещё в столице, встретившись с Чжао Ко, ты положил глаз на богатства этих земель. Но когда мы прибыли сюда, тебя постигло глубокое разочарование. Обладая колоссальными ресурсами, царство Ли влачило жалкое существование лишь потому, что покойный князь превратил своих подданных в ленивое, безвольное стадо. Именно тогда ты и решил прибрать к рукам не только власть, но и забрать весь этот край вместе с сердцами его жителей. Я ведь прав?

Шэнь Чжиюй зажмурился, преодолевая тупую, ноющую боль от сильных нажатий.

— Нет.

Юань Чэ глухо усмехнулся:

— Ты заставил меня подыграть тебе. На первый взгляд казалось, будто моё сумасбродство и жестокость должны лишь напугать их. Но на самом деле это была лишь подготовка. Ты хотел, чтобы люди воочию убедились: даже будучи столь грозным и яростным, император не причинит им вреда и придёт на выручку в самый отчаянный миг. Великодушные и мудрость истинного владыки должны были затмить ничтожную заботу их прежнего хозяина.

От сильных надавливаний Шэнь Чжиюй попытался уклониться, но Юань Чэ тут же пресёк эту попытку, властно прижав его к постели за плечи.

Слегка рассердившись, канцлер перехватил его запястье.

— Ваше Величество, некоторые вещи лучше оставлять невысказанными. Зачем произносить их вслух?

— А если я желаю говорить об этом? Что ты мне сделаешь? — Юань Чэ без труда высвободил руку и зачерпнул ещё немного мази. — Как только все фигуры заняли свои места, ты вознамерился стереть резиденцию князя Ли с лица земли. Я не знал подробностей твоего плана, но результат превзошёл все ожидания. Ты растоптал имя Ли Чжання и обратил его великолепный дворец в груды пепла.

Достать такое огромное количество пороха за пару дней попросту невозможно, не говоря уже о том, чтобы незаметно заложить его в нужных местах, рассчитать время взрыва, отослать прочь Уяня с Вэй Си, а затем подстроить так, чтобы искра добралась до винных погребов и спровоцировала повторный обвал.

Все эти приготовления велись задолго до катастрофы.

Но ради чего? Юань Чэ не верил, что Шэнь Чжиюй мог предвидеть вмешательство князя Ци. Тот был чистой случайностью. Значит, порох изначально предназначался для иных целей.

Если бы события развивались по первоначальному сценарию — через три дня, — сам император точно не успел бы вернуться в столицу царства Ли. Ему пришлось бы принять этот роскошный дар из рук канцлера постфактум.

От одной этой мысли по спине пробежал холодок.

Заметив ссадины на плече и груди Шэнь Чжиюя, Юань Чэ осторожно перевернул его на спину. Теперь они лежали лицом к лицу, ощущая дыхание друг друга.

— Мой дорогой канцлер, запомни эту боль, — негромко произнёс Юань Чэ, глядя ему прямо в глаза. — Тебе меня не перехитрить. И умереть я тебе не позволю. Что бы ты ни задумал, куда бы ни отправился, я найду тебя и вытащу из любой бездны. И сам буду залечивать твои раны, которые ты так упорно ищешь.

Шэнь Чжиюй разомкнул веки и, слегка дрожа, вымолвил:

— У Вашего Величества, я погляжу, слишком много свободного времени.

— Именно так, — Юань Чэ закончил с лечением, вытер пальцы чистым платком и бережно натянул на него белую рубаху, аккуратно завязав шёлковые тесёмки на поясе. — Ради тебя я готов запастись безграничным терпением.

— Но не забывайте, государь, — тихо напомнил Шэнь Чжиюй. — Наши пути расходятся. Наш союз прекратит своё существование, едва мы покинем пределы этих земель.

—...

— Но мы ведь ещё здесь, — глухо пробормотал он после долгой паузы.

На его мужественном лице на мгновение отразилась глубокая, щемящая печаль. Он заботливо укрыл Шэнь Чжиюя одеялом по самую грудь.

— Отдыхай. Завтра утром я должен показать тебе одного человека.

<http://bllate.org/book/20512/2172616>